

Анализ стихотворения И.А. Бунина «Последний шмель»

Тема жизни и смерти неизбежно занимает немалое место в творчестве любого поэта или писателя. Человек, способный иначе воспринимать мир и изображать его словами, рано или поздно приходит к осознанию (или к необходимости осознания) смысла своего существования и вообще человеческой жизни.

Тему человека и природы, их единения также затрагивает каждый поэт, поскольку, обладая даром свыше, он стремится к гармонии с природой и пытается найти причины отдаления от неё человека.

Обе эти темы нашли своё выражение в стихотворении И.А. Бунина «Последний шмель». Его название говорит само за себя. Шмель — насекомое, это олицетворение природы, движения, жизни. Словосочетание «последний шмель» уже настраивает на восприятие стихотворения, посвящённого чему-то, пока ещё неуловимо печальному.

Несмотря на то, что все эти строфы стихотворения связаны одной темой и образным рядом, в нём можно выделить три части (согласно делению на строфы).

Первая часть знакомит нас с миром человека, от лица которого ведётся повествование, и миром природы, представленным шмелём. Кажется, эти два мира изначально разделены: человек находится в своём «жилье человечьем» (использованная инверсия ещё более обращает на это внимание), шмель же туда только «залетает». Однако неслучайно употреблённые глаголы несовершенного вида «залетаешь, тоскуешь» говорят о том, что эти действия происходили не единожды, а время от времени, то есть мир человека всё-таки не отделяется от мира природы.

Между человеком и шмелём существует взаимопонимание, общение на равных («тоскуешь со мной»); шмель разделяет человеческую тоску. Причём человек описывает его весьма уважительно, можно сказать, «по-царски»: «чёрный», «бархатный», «золотое плечье» — эти глубокие, густые по звучанию и благородные, возвышенные по содержанию эпитеты как бы поднимают образ шмеля из ранга простого насекомого в ранг собеседника, единомышленника человека. Но несмотря на это появление шмеля, которое ощущается нами и фонетически, благодаря аллитерации — сочетанию звуков «ч», «ш», «з», «щ» — и ассонансу — сочетанию глубоких, гудящих, округлых звуков «о», «у», — вызывает в душе человека печальные мысли и чувства (хотя нам пока неизвестно, какие именно): шмель называется «заунывно» гудящим, хотя и «певучей струной». Видимо, мысль, внушаемая человеку видом шмеля, появилась бы и сама по себе, но она доставляет ему душевную боль, поэтому и певучее гудение шмеля кажется ему заунывным. Что это за мысль, мы узнаем в следующей части стихотворения.

Во второй строфе постоянной становится тема смерти. Теперь уже автор прямо говорит о последних днях, и хотя здравый смысл подсказывает, что последние дни шмеля — это всего лишь последние дни лета, близость конца для шмеля напоминает человеку о скоротечности его собственной жизни. «За окном свет и зной», природа ещё прекрасна и пытается сохранить свою увядающую прелесть, но человек, в отличие от шмеля, понимает, что эти блаженные, безмятежные, яркие дни — всего лишь затишье перед бурей, последние дни перед смертью. Поэтому человек ограничивает себя стенами своего жилья от этого прекрасного мира и видит его только через окно (подчёркнуто «яркие подоконники» являют собой зрительную границу между двумя мирами, а шмель является как бы связующей нитью, посланником из одного мира в другой). В первых двух строках автор как нельзя более насыщенно и красочно нарисовал мир умирающей, но ещё прекрасной природы, а в середине второй строки резко отделил это описание внутренней рифмой (ярки — жарки) и завершил строку роковым: «последние дни». После этого исход становится совершенно ясным, и мы (вместе с человеком) понимаем, что впереди у природы (а значит, и шмеля) неизбежная смерть. Поэтому человек заставляет его вернуться на волю, он говорит ему: «полетай, погуди», — но это повелительное наклонение, несколько возвышая человека над шмелём, пока ещё носит не приказной, а наставительный характер. Сочувствуя шмелю, человек сожалеет о его неспособности осмыслить факт своей скорой кончины и прочит ему гибель, заменяя слово «умри» эвфемизмом «усни». Причём смертным одром шмелю человек называет красную подушечку в «засохшей татарке». Этот красный цвет является достойным обрамлением для упомянутых ранее чёрного и золотого цветов. Такая цветовая гамма неслучайна: автор обращает внимание на то, что шмелю уготована прямо-таки царская кончина.

Но в третьей части стихотворения словами “Не дано тебе знать...” человек подчёркивает своё превосходство над шмелём, не знающим “человеческой думы” о скоротечности жизни (о которой напоминает также фраза “давно опустели поля”). Происходит окончательное разделение двух миров. Ощущая свою значимость, человек ещё более возвышает себя над шмелём, предсказывая ему скорое забвение. Тот, кто умер на царском ложе, скоро будет снесён угрюмым, безжалостным и равнодушным ветром (аллегория времени) в бурьян (иначе говоря, канет в Лету). Смерть неизбежна, но ещё страшнее смерти — забвение. В этой строфе происходит явное обобщение, под судьбой шмеля подразумевается судьба всякого живого существа, в том числе и человека. Мысль о том, что его ждёт подобная участь, и тяготила человека в самом начале, поэтому гудение шмеля и казалось ему заунывным.

Как мы уже видели, стихотворение построено из трёх катренов, написано перекрёстной рифмой, четырёхстопным анапестом. Однако заметим, что первая и третья строки каждой строфы имеют на один безударный слог больше, а вторая и четвёртая заканчиваются ударным слогом. Это придаёт каждой строфе большую законченность. Написанное анапестом, стихотворение по своей ритмической организации является достаточно размеренным (но не настолько, чтобы, подобно ямбу, напоминать марш или детскую считалку). Такой ритм придаёт стихотворению характер беседы, помогает прочувствовать внутренний мир автора, проникнуться его переживаниями, большее внимание обращает не на форму стихотворения, а на его содержание. Заметим, что в первой строке первого четверостишия на месте первого безударного слога находится ударный (“чёрный”), что делает акцент на обращении к шмелю, а не просто на его описании.

Вторая и четвёртая строки каждой строфы имеют точные богатые рифмы (струной — со мной; поля — шмеля). Однако первая и третья строки имеют точные рифмы только в первой строфе (оплечье — человечье), в остальных же двух — неточные (думы — угрюмый). Это помогает создать большую эмоциональную напряжённость, однако точность рифм второй и четвёртой строк сохраняет при этом общую размеренность ритма. В общем же, стихотворение имеет вид неспешной, но не безэмоциональной беседы.

Человек осознаёт неизбежность смерти шмеля, как и своей собственной. Умереть через несколько дней или десятилетий — не всё ли равно, если за смертью последует забвение? И хотя за каждой зимой приходит весна, а значит, возрождение, И.А. Бунин не даёт шмелю этой возможности, он считает, что у шмеля нет будущего (об этом говорит то, что стихотворение завершается не многоточием, обещающим некое продолжение, а восклицательным знаком, ставящим все точки над *i*). Однако автор не придаёт этому большого трагизма. Мёртвый шмель всё же остаётся золотым и, даже будучи унесённым в бурьян, не теряет своей царской красоты. На мой взгляд, подчёркивая это, И.А. Бунин снова выходил за рамки описания судьбы шмеля и переходил к судьбе человеческой. Смерть ждёт каждого из нас, с ней нельзя бороться. Забвение же не властно над гением. Пушкин и Толстой, Чехов и Бунин... — эти и многие другие имена никогда не будут забыты. Но и мы можем попытаться победить забвение, потому что все наши деяния — “чёрные” и “золотые” — останутся с нами. Каждый должен выбрать, кем он станет — чёрной букашкой, растворившейся в бурьяне, или сухим золотым шмелём, унесённым временем в бурьян забвения, но не исчезнувшим в нём. И, быть может, когда-нибудь этот маленький золотой огонёк в пучине будет кем-то замечен. Тогда-то можно будет сказать, что забвение побеждено.

Думаю, и об этом хотел сказать нам И.А. Бунин в своём стихотворении «Последний шмель».